

ОТЕЦ РАБОТАЛ НА «СКОРОХОДЕ»

Когда началась война, мне было 9 лет. Можно сказать, что в 9 лет кончилось мое детство, и я вступила во взрослую тяжелую жизнь: вместе со своей семьей перенесла самые тяжелые дни блокады.

В начале марта 1942 г. я самой выехала из Ленинграда на машине по Ладожскому озеру, папа остался в Ленинграде – такая была необходимость, он работал на казарменном положении без выходных, домой можно было пойти один раз в неделю на несколько часов повидаться с семьей. У кого были силы идти пешком, шли, так как не работал никакой транспорт.

Очень быстро немцы близко подошли к Ленинграду, и 8 сентября 1941 г. город оказался в кольце блокады с единственным коридором (Ладожское озеро), который постоянно бомбили и обстреливали. По этому коридору поступали в Ленинград мешки с мукой на норму хлеба 125 г. иждивенцам и 250 г. работающим. По этому коридору вывозили самых изможденных на Большую Землю, многие из которых умирали в дороге.

В августе 1941 г. папу вызвали в обком партии и дали задание: в двухнедельный срок организовать на базе двух обувных цехов фабрики «Скороход» производство снарядов.

Папа до «Скорохода» работал на военном заводе, у него был опыт в этом деле (по специальности он был инженер-механик).

Мы не видали отца две недели. Он пришел домой в начале сентября, когда досрочно было выполнено задание. С сентября 1941 г. на «Скороходе» заработало спецпроизводство оборонной продукции, которым руководил мой отец: Константин Николаевич Левицкий.

Спецпроизводство состояло из двух цехов, один из которых изготавливал корпуса снарядов для артиллерийских орудий, а другой – пулеметные ленты.

Работающие на спецпроизводстве и жили на «Скороходе», и работали по 12 часов в смену и более.

Работали в основном женщины, переведенные из обувных цехов. Они быстро освоили сложные токарные, фрезерные, шлифовальные станки. Научились работать на штампах, выполняли различные слесарные операции.

Производственный процесс был организован по поточному принципу. Отливки для корпусов снарядов изготавливались на нескольких машиностроительных заводах Ленинграда, откуда поступали на «Скороход». Здесь их обрабатывали в корпусе, заправляли взрывчатым веществом и сразу везли на Пулковские высоты, где проходила линия фронта.

Нередко этот взрывоопасный груз сопровождал мой отец.

Спецпроизводство проработало 26 месяцев, фронт за это время получило около 150 тысяч снарядов, а вот сколько он получил пулеметных лент написать не могу, так как не нашла данных. Но думаю, что их тоже было немало.

Труд работающих на спецпроизводстве был поистине героическим.

Отливки, поступающие на фабрику для обработки, весили 16 кг. На доставке отливок в цех работали две пожилые женщины (узнать бы их имена!), которые за смену должны были перенести в цех около двухсот отливок.

На токарных станках требовалась очень большая точность изго-

товления корпуса снаряда, женщины справлялись и с этим.

Нужно было поддерживать здоровье работающих, их еженедельно осматривал врач, а начиная с 1942 г. они начали получать дополнительное питание.

Это дополнительное питание папа откладывал для меня самой, так как на производстве все работающие имели котелок супа или щей, изготавлялись «скороходовский деликатес» – казеиновые лепешки из обувного клея (он был на молочной основе) и лепешки, отдаленно напоминающие творог.

За организацию спецпроизводства моего отца наградили медалью «За трудовую доблесть», он получил поздравительную телеграмму от наркома (министра) легкой промышленности, а главное – его приняли в партию.

Для него это имело особое значение, так как он до этого 4 раза подавал заявление в ВКП(б) и получал отказы, как сын офицера царской армии.

Мой дед имел чин подполковника и имел дворянское звание. Все его сыновья, в том числе мой отец, учились в г. Орле в кадетском корпусе. И, несмотря на это, папа сумел получить высшее образование и вступить в партию не из карьеристских соображений. Он свято верил в идею возможности построения коммунизма. Когда я по возрасту вышла из комсомола, надеялся, что я вступлю в партию.

Я этого не сделала, хотя идею коммунизма поддерживала и считала, что человечество в своем развитии по сознанию не подошло к этой идее.

От советской власти папа терпел немало, его не брали на учебу, ему не платили стипендию.

А когда все-таки благодаря своей настойчивости и недюжинным способностям он окончил институт и поступил на военный завод № 77, то помню его несколько раз в год вызывали в Большой дом на Литейном, почему-то обязательно вечером, в 22-23 часа.

Мама при этом бледнела и замирала и потихоньку собирала папе узелок.

Я не понимала, что происходит, но чувствовала, что дома что-то неладно.

Когда наступил 1937-й год, папа понял, что рано или поздно его объявят «врагом народа» и принял мудрое решение перейти на работу в легкую промышленность.

Так он оказался на фабрике «Скороход», сначала начальником механического производства, а затем главным механиком фабрики.

И, несмотря на все это, он был активным членом ВКП(б) и занимался общественной работой.

Уже потом, после войны, я в возрасте 16-17 лет смогла понять, что происходило ранее, и говорила папе: «Как тебя мучили, а ты все хотел быть партийным?»

Он отвечал: «Лес рубят, щепки летят».

А я говорю: «А люди разве щепки?»

Ответа не было. Он сам понимал, что делается не все, как нужно, но влиять на события было не в его силах.

Он был изобретателем, в его архиве хранится несколько авторских свидетельств по усовершенствованию и автоматизации производства обуви. Есть много статей, написанных им и опубликованных в различных журналах. Он поступил в аспирантуру института

легкой промышленности в Москве, но большая занятость по фабрике не дала ему ее окончить.

Может быть, если бы не так складывалась его жизнь, он был бы большим ученым.

Папа ушел из жизни в 1975 году. Незадолго до его смерти мы с папой встретили на Московском проспекте пожилую женщину. Она подошла к нам: «Константин Николаевич, Вы меня не узнаете? Я у Вас в войну работала. Помню, как Вы ходили по цеху и раздавали лепешки».

До войны папа несколько раз приводил меня на фабрику. Я теперь, как инженер, могу оценить, что обувное производство – очень грязное. Но на «Скороходе» была своя оранжерея. Двор смотрелся, как цветущий сад. Фабрике наверняка более 120 лет. Запомнился фабричный лицей. Он занимал несколько комнат: там стояли старинные остроносые дамские сапожки, мужские старинные штиблеты, и так – по десятилетиям с изменением моды соответствующие образцы. Перед выпуском серийного производства выпускались опытные образцы обуви, которые раздавали поносить своим сотрудникам. Если обувь не выдерживала длительной носки или выявлялись какие-то недостатки, то такую обувь не запускали в производство.

Скороходовская обувь славилась на весь мир своей прочностью.

А теперь, когда проходишь мимо неработающих цехов «Скорохода», где то итальянская мебель, то импортная сантехника, то какие-то «Пятерочки» и прочее, сердце сжимается от обиды и боли...

В.К. ОЛЕЙНИК